

23.09.93

202

Брасс Тинто

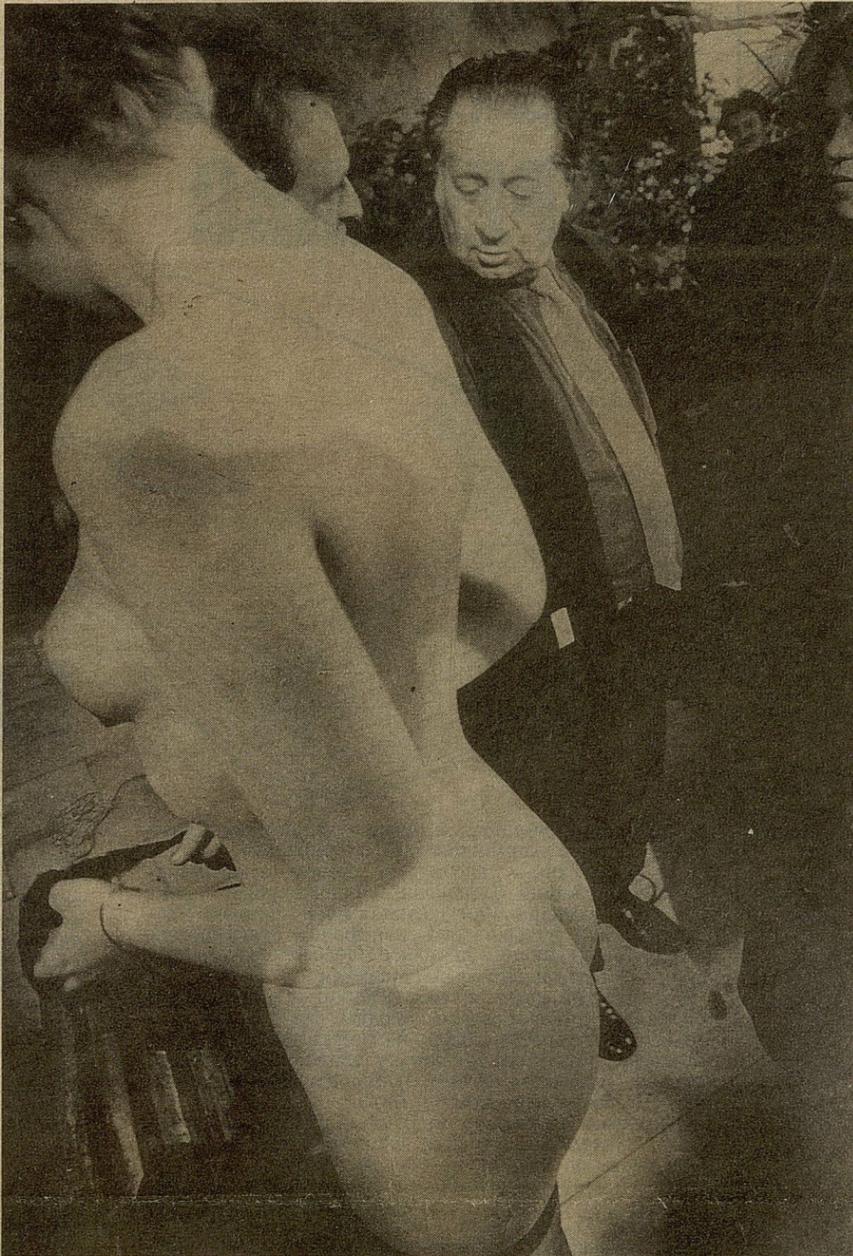
В Киноцентре — секс-бомба должно быть один из самых скандальных режиссеров современности автор «Калигулы», — прибыл в столицу из Анапы вслед за собственной ретроспективой («Миранда», «Ключ», «Так поступают все женщины»). В Анапе он, по собственному же признанию, вышел к публике, и до него уже «шокированной» (там проходил фестиваль «Киношок»), рассеянно, с рюмкой русской водки и с заверениями, что Россия — это «bellissimo». (Возможно, именно в Анапе встрепнул к месту одинокий славянский ген знаменитого итальянца). Публика ответила Брассу полной взаимностью, что дало ему возможность начать субботнюю пресс-конференцию в московском Киноцентре чуткой фразой, дословное воспроизведение которой на совести переводчика режиссера: «Моя эротика встретила горячий отклик в сердцах россиян».

Нет, нет, этот снимок не с пресс-конференции. Он сделан в редакции журнала «Андрей». Пресс-конференция же протекала вполне пуритански, и единственное, что могло бы смутить присутствующих (однако же, не смутило) стократное повторение господином Брассом его любимейшего ланомого слова «попка» с восклицательным знаком и некоторых более интенсивно окрашенных ее синонимов. Правда, в определениях типа «эпикурейство», «феминизм», «экологическая ниша» дефицита на пресс-конференции тоже не наблюдалось. «ЗС» участвовала в беседе, но свои вопросы специально выделять не стала. Напротив, решила составить интервью Брасса по материалам пресс-конференции с московскими журналистскими умами.

— Господин Брасс, пожалуй, достаточно однажды посмотреть вашего «Калигулу», чтобы никогда не задавать вам вопрос: верите ли вы в Бога?

— Отвечу, как Бунюэль: благодаря Богу, нет! Я вообще ни во что не верю, ни во что. Лишь в некоторые относительные ценности, которые не по душе ни богословам, ни философам. Я обожаю удовольствия во всех его утрированных формах: женщины, замечательная еда, отличное кино.

— Но вы чувствуете свою режиссерскую исключительность, хотя бы в связи с той репутацией, которую обрели в Европе? По своему чувственному, я бы добавила историко-чувственному масштабу «Калигула» не знает равных. Я не говорю об эмоциях, не самых эстетичных, которые он вызывает у кого-то, у меня, например.

Тинто Брасс. Человек с планеты секс

— «Калигула» — это не та картина, о которой я мог бы говорить с удовольствием. Секс в «Калигуле» всего лишь средство выражения той эпохальной жестокости, которая характеризовала определенный период времени, истории. Жестокость отлично передается через чувственность. Чем выше степень чувственности, тем масштабнее жестокость. Море чувств — море жестокости. Одно прямо пропорционально другому.

— Надо было начинать беседу с этого вопроса, тогда отпала бы необходимость спрашивать о ваших религиозных убеждениях и вере. Но вы уходите от вопроса: чувство режиссерской исключительности вам присуще?

— Ни в коей мере. Я делаю только то, что меня интересует, совершенно не задумываясь, а одарен ли я! Я ведь даже менее режиссер, чем монтажер. Когда мне не удается самому смонтировать свой фильм, я снимаю имя Тинто Брасса с титров. Так, между прочим, было в случае с «Калигулой». Поэтому я не могу говорить об этой картине с удовольствием. Американцы сами захотели делать монтаж, и, по-моему, испортили фильм. Вернее, оказалась совершенно изменены и сюжетный ход, и сюжетная канва. Фильм должен был быть воспринят как отчетливая диаграмма. Эмоциональный пик, спокойное повествование, эмоциональный пик, повествование... Тогда слышалось дыхание действия. Монтаж — это то, что делает из эмбриона живое существо. Я учился монтажному делу у Эйзенштейна. Он научил меня понимать: режиссер может многое, но Бог — это монтажер.

— Так же думал и другой ваш кумир, Дзига Вертов. Вы, кажется, посвятили ему свой последний фильм?

— Да. Это картина, снятая по роману Альберто Моравиа: «Человек, который смотрит». Я считаю его лучшим своим фильмом, как считал каждый раз лучшим своей еще незаконченной сюжет. Новая картина посвящается «Киноглазу» Дзиги Вертова. Кстати говоря, вот кто был во всех отношениях исключительной личностью! На яву и во сне ему являлись странные, необыкновенные знаки и символы, и он умело переносил их в свое кино. Я иду по той же тропе: трачу колоссальное количество времени, просматривая отснятый материал в поисках знака или символа, что может стать точкой опоры сюжета. Но Вертов был реалистом, который интересовался только чистым «монтажем». Я же использую монтаж как объект драматургии.

— Но ваш знак это чаще всего секс. В той или иной форме.

— Чаще всего. Секс — это безграничное космическое пространство, и человеческой жизни вряд ли хватит на его освоение. Даже одна сексуальная комбинация может предполагать миллионы вариантов.

— Как вы считаете, почему обычно эстетизация эротики происходит сложнее, чем вульгаризация? На экране, во всяком случае!

— Видите ли, природа любого явления предполагает наличие особой лингвистической структуры, особого языка. Язык должен быть доступен специалисту, изучающему данное природное явление. Чем лучше специалист владеет языком, тем грамотнее и эстетичнее излагает свои взгляды на это явление. Я владею языком эротического кино в

совершенстве. Кстати, ведь существует специальная школа, преподающая язык такого рода. Она находится во Франции и известна всему миру.

— Ваши коллеги по теме — Боровчик, Макавеев. Кого из них вы цените больше?

— Пожалуй, я очень люблю Макавеева.

— Как вы выбираете ваши женские типы? Есть ли особый принцип? Можно по-разному относиться к фильмам Тинто Брасса, но стоит согласиться, что женщины его превосходны!

— Как выбираю? Меня возбуждают их попки. Это самое лучшее место женского тела и женской души. Лицо может быть глупое, может быть умное, может быть кислое, а вот попка может быть или грустной, или веселой!

— А ум женщины, интеллект, духовная наполненность...

— Все это можно найти на попке, если окинуть ее внимательно-профессиональным взглядом.

— В чем, по-вашему, разница между эротикой и порнографией?

— В чем? Не знаю, это очень субъективная грань.

— Кого-нибудь из русских актрис вы уже успели заметить, как вождя объекту для съемок?

— Э... Да. Ларису... (обращается за помощью к переводчику) Ларису Долину.

— Однако у нас есть профессиональная актриса — Елена Кондулайнен. Первая российская порнозвезда.

— Да! Я запишу (записывает, повторяя по слогам). Мне нравятся русские женщины. Если пролистать вашу историю, то именно женщины играли в ней на протяжении столетий самую заметную роль. Только партия у вас была мужская. Может быть, поэтому так все и пошло. Неудачно. Вы знаете, как-то раз, проезжая по Москве, я заметил огромную очередь, уж не знаю за чем. И

в этой очереди последней стояла женщина с таким задом (разводит руки примерно на ширину плеч. Мгновенная реакция зала — гомерический хохот. Брасс выжида, покуда все успокоится, замораживает свой роскошный жест). Глядя на этот зад, я понял: ничего не случится с этой страной! (Хохот возобновляется).

— Какой-нибудь сюжет из российской истории привлекает ваше внимание? Ходят слухи, что ваша итальянская кровь чуть-чуть разбавлена русской!

— Да. Моя бабушка родилась в Одессе. Потом она встретила там моего итальянского дедушку. И началось.

В качестве сюжета для экранизации меня интересует жизнь Екатерины II и еще — Распутин.

— Распутин, между тем, собирается играть Декарда!

— Мы, вероятно, по-разному мыслим этот образ. В отличие от Декарда, я умею наслаждаться одним только шикарным зрелищем и терпеть не могу всякие там культурные сублимации.

— А ваши рассуждения о монтаже, о Вертове — это ли не область культурной сублимации?

— Это область любимых рассуждений, я не задумываюсь обычно о том, как их классифицировать.

— Значит, они стоят в одном ряду с попками, с хорошей едой...

— И с отличным кино.

Что же до России, то меня интересует еще вот что: развитие отношений между мужчиной и женщиной, сексуальных, психологических, духовных, в стране с тяжелым наследием прошлого, со всеми табу, идеологиями, моралью. Насколько система может искусственно изменить, природу, насколько естественное может оказаться непереборимым.

— Как реагирует на ваше творчество мировая пресса?

— По-разному. Конечно, их очень интересует то, о чем я снимаю свое кино, но они предпочитают все время скандалить. Возможно, из-за собственной закомплексованности. Кто же является по-настоящему благодарным зрителем, так это народ! Ни один критик никогда не придумает такого сочного эпитета, на который способен обычный зритель, выходящий из кинотеатра. Вообще, чем культурнее человек, тем сложнее ему чувствовать себя раскрепощенным.

Правда, в последние пятьдесят лет сексуальная мораль в мире, и в частности в Италии, переживает революционные изменения. У нас такие понятия, как верность и девственность, отмирают, подобно дремучим атавизмам.

— Это ваша идея?

— Нет. Это отражение объективной реальности, которую совершенно бессмысленно комментировать.

— Вы тоже считаете, что верность умерла? Что же, нравственность лишилась одного из своих главных критериев?

— Что значит, считаю-не считаю. Человек вряд ли в состоянии плыть против течения. Тем более, что лично мне эта мораль или амораль, как вам больше нравится, не мешает ни жить, ни работать.

Я вполне допускаю, что муж и жена могут существовать вполне дружно, но каждый из них, встречая на стороне партнера или партнершу, не считает тем не менее зазорным прилечь на чужую постель.

— И что в вашей семье такая мораль тоже существует, извините, если вопрос покажется слишком бестактным?

— Да, конечно. Я ни в чем стараюсь себе не отказывать. И, по-моему, моя жена мало от этого страдает. Впрочем, она здесь, можете сами ее спросить. У меня даже нет от нее секретов. Да и вообще жене совершенно нечего волноваться, когда муж меняет партнерш по семь раз на неделю, гораздо опаснее, если появилась надолго какая-то одна!

— И что делать в этом случае?

— Во всяком случае не закатывать истерики (делает недовольное лицо и машет рукой), пусть найдет какое-нибудь занятие, или пусть разведется. Никогда не поверю, чтобы женщине на исходе XX столетия нечем было заняться!

Натэла МЕСХИ.

Фото Александра Тягны-Рядно.

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО

291